

*И. В. Бродский***НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ КУСТАРНИКОВ
В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ
(МОЖЖЕВЕЛЬНИК, ОРЕШНИК, ЧЕРЕМУХА)¹**

В статье рассмотрены названия некоторых кустарников в финно-угорских языках. Так как природно-климатические условия, в т. ч. флора в местах проживания угорских народов (ханты, манси, венгры) значительно отличаются от таковых у народов, говорящих на языках финно-пермской ветви, то в центре внимания автора оказывается преимущественно финно-пермская фитонимия (прибалтийско-финская, мордовская, марийская, пермская). Рассмотрены наименования можжевельника, орешника и черемухи. Цель данной работы – охарактеризовать известные названия этих растений как группу именной лексики, для чего обозначить происхождение и территориальную дистрибуцию фитонимов, а также номинацию кустарников в рассматриваемых языках. Финно-угорские фитонимы, обозначающие кустарники, многочисленны и в большинстве случаев образованы на почве отдельных языков. Такая тенденция характерна, скорее, для названий травянистых растений, в то время как названия деревьев обычно древнее и малочисленнее. В составе сложных по форме фитонимов – наименований кустарников обнаруживаются также зоосемизмы со значениями ‘медведь’ и ‘сорока’. Для данного исследования сбор материала осуществлялся методом контролируемого отбора лексики в печатных изданиях (лексикографических и иных работах); характеристика лексики проводится описательным и сравнительно-историческим методами. При изучении номинации растений применены метод компонентного анализа, метод семантического анализа. Всего в работе рассмотрено более ста пятидесяти различных народных фитонимов (включая фонетические варианты), большая часть которых – сложные по форме существительные, обычно состоящие из двух компонентов. Происхождение этих названий почти во всех случаях определяется достаточно точно, включая случаи заимствования. Для удобства семантического анализа фитонимы объединены в лексико-семантические гнезда, соответствующие моделям номинации. Всего таких гнезд выделено 24 единицы.

Ключевые слова: финно-угорские языки, финно-пермские языки, прибалтийско-финские языки, мордовские языки, марийский язык, пермские языки, саамский язык, лексика, фитонимия, названия растений, можжевельник, орешник, черемуха, заимствование, этимология.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-6-15

Предлагаемая работа посвящена рассмотрению финно-угорских названий ряда наиболее широко распространенных кустарников – можжевельника, орешника (лещины) и черемухи.

¹ Благодарности: Данная работа выполнена при финансовой поддержке Минпросвещения России в рамках государственного задания по теме «Идеографическое представление лексики языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: концепция, методика, лексикографическая практика», а также Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в рамках проекта «Финно-угорская фитонимия. Сравнительное исследование», получившее поддержку по итогам Конкурса на выполнение перспективных фундаментальных научно-исследовательских работ молодыми учёными РГПУ им. А. И. Герцена 2021 г.

Для исследования фитонимической лексики не использовался материал угорских языков (хантыйского, мансийского и венгерского), так как их ареалы отличаются по природно-климатическим условиям и составу флоры. При этом лексика флоры как угорских, так и других родственных языков привлекается, за редким исключением, для иллюстрирования этимологии. В связи с теми же обстоятельствами с осторожностью привлекается и саамский лексический материал. Для общего определения группы изучаемых языков мы используем термин «финно-пермские языки».

Цель работы – рассмотреть известные народные названия кустарников как группу именной лексики, что предполагает исследование происхождения и распространения фитонимов, а также номинации кустарников в рассматриваемых языках.

Сравнительное изучение финно-угорских названий растений до сих пор проводилось редко. В имеющихся работах по данной теме чаще всего рассматриваются лишь названия деревьев (дендронимы); такие работы обычно посвящены выяснению исторической прародины финно-угорских и уральских народов. Между тем подробное описание и сравнительное изучение фитонимии актуально не только для изучения лексики, но имеет выходы за пределы собственно лингвистики – в область истории, этнографии и др.

В данную работу включены названия трех растений: можжевельника, орешника (лещины) и черемухи. Как показывают фитонимические данные, различные кустарники имеют в финно-пермских языках большое количество наименований (например, более 30 для боярышника и крушины); исключение составляют названия лещины и черемухи, число которых сравнительно невелико. Этим названия кустарников отличаются от группы названий деревьев, для которых, как правило, не наблюдается большого разброса названий. Наоборот, обилие разных названий, по большей части являющихся результатом номинации по признаку, характерно для травянистых растений.

Почти все растения, названия которых рассматриваются ниже, могут иметь как кустарниковую, так и древесную (древовидную) форму. В связи с этим в состав их сложных наименований могут входить детерминанты – определители класса объекта номинации – как со значением ‘куст’, так и со значением ‘дерево’. Такие детерминанты в сложном (составном) фитониме всегда занимают последнее место.

Статья написана на основе многих источников, в т. ч. лексикографических: автор использовал в своей работе ряд печатных работ, в числе которых двуязычные и диалектные словари прибалтийско-финских и контактных языков, а также этимологические и специальные фитонимические словари (в их числе [КПОС], [СМЯ], [EES 2012], [MW 1990], [Sammallahti 1989], [SKES 1955], [Suhonen 1936], [Vilbaste 1993] и другие). Нами была также использована историческая ботаническая база данных эстонской народной медицины [Herba.ee].

При рассмотрении фитонимического лексического материала бросается в глаза выраженное преобладание прибалтийско-финской флористической лексики. Это связано с тем, что фитонимический материал многих финно-угорских языков собран в недостаточной степени. Всего в работе охарактеризовано более полутора сотен различных народных фитонимов (с фонетическими вариантами), большая часть которых – сложные по форме существительные, состоящие из двух компонентов.

Сбор материала осуществлялся методом контролируемого отбора лексики в печатных изданиях (лексикографических и иных работах); исследование лексики проводилось описательным и сравнительно-историческим методами, также в ряде случаев использовался ареальный сравнительный метод. В исследовании номинации растений применяются метод компонентного анализа и метод семантического анализа.

Все рассматриваемые названия растений распределены по лексико-семантическим гнездам (24 гнезда) и языковым ветвям; гнезда пронумерованы в целях удобства навигации. Для каждого названия указана его дистрибуция в языках соответствующей языковой ветви (например, прибалтийско-финской, мордовской и др.), описано его происхождение. Для всех названий растений автор сохранял транскрипцию, данную в печатном источнике.

МОЖЖЕВЕЛЬНИК (*Juniperus communis*)

Можжевельник – растение, распространенное на территории проживания финно-пермских народов практически повсеместно.

Использование можжевельника весьма разнообразно. Кроме поделочного применения, он используется в пищу (плоды в качестве приправы) и в лекарственных целях. Ягоды можжевельника (*Fructus juniperi*) входят в состав мочегонных сборов, а их настой используется как отхаркивающее и улучшающее пищеварение средство [Муравьева 1981, 219–220]. У вепсов в целях обеззараживания можжевельник употреблялся для окуривания изб, а также для опаривания деревянной молочной посуды [Винокурова 2015, 128]. Известно и ветеринарное применение растения [Анненков 1878, 181]. Древесина можжевельника прочна, не подвержена гниению, поэтому из нее изготавливались части инструментов, домашняя утварь, могильные кресты [Винокурова 2015, 127] и др. В частности, из-за акустических свойств можжевельник применялся в изготовлении народных музыкальных инструментов, например, марийского пуча [ЭРМЭ, 661].

Прибалтийско-финские и саамские названия можжевельника

(1) фин. *kataja*, кар. собств. *kataja*, *kadaja*, кар. ливв. *kadai*, *kadua*, кар. люд. *kadai(pū)*, *kadaja*, *kadag*, ижор. *kadai*, *kadajoin*, *kattai*, вепс. *kadag*, *kadag'*, эст. *kadakas*, *kadangas*, *kadai*, *kat(t)ai*, *kadajas*, *kadaje*, *kadak*, *katak*, *kadaka||puu*, *kadaka||põõsas*, *kadar*, вод. *kataga*, *kataja*, лив. *kadāg*, *gadās* < балт., ср. лит. *kadagys*, латышск. *kadegs*, *kadikis*, прус. *kadegis* (в свою очередь < н.-нем. *kaddik*, *kaddig*) – по SKES 1955 [SKES 1955, I, 170].

Саам. *gaskas*, *kaskkas*, *keskas*, *kiɛskas* ‘можжевельник’ заимствовано из балтийских языков через прибалтийско-финские языки. Это название широко распространено во многих саамских наречиях.

Таким образом, прибалтийско-финское название можжевельника является несомненным балтийским заимствованием. О попытках более древней этимологизации см. ниже.

(2) эст. *mure||puu*

Этот фитоним встречается лишь в одном западно-эстонском говоре. Букв. ‘ломкое, хрупкое дерево’.

(3) саам. Кильд., Йок. *nuert*, *niörta*

Этимология фитонима неясна. Он может быть как автохтонным, так и заимствованным из прибалтийско-финских языков, ср. фин. диал. *näre*, *näret* ‘молодая ель’, кар. *näre*, *näreh*, *närähä(i)ne* ‘молодая ель’ [SSAP 1992, II, 253].

Внешне куст можжевельника и молодая ель выглядят похоже, что и могло повлиять на значение саамского фитонима.

(4) саам. Норв. *reatká*

Этимология фитонима неясна.

Мордовские названия можжевельника

(5) эрз. *междевель*, *можжевельник* < рус.

(6) эрз. *чилига*

Основное значение эрзянского слова – ‘прут’; также у него имеется значение ‘кочка’. Тем не менее данное слово, скорее всего, заимствовано из русских говоров, ср. рус. *чилига* ‘дерева, *Cytisus biflorus*’, ‘полынь полевая *Artemisia campestris*’ [ЭСРЯ, IV, 362].

(7) мокш. *виндерькс*, *андерькс*

Ср. мокш. *виндерна* ‘ось (веретена), спица’. По-видимому, значение *виндерькс* можно приблизительно определить как ‘то, что предназначено для изготовления веретен, осей’.

(8) мокш. *лакитакс*

Ср. мокш. *лакит* ‘щёлк’ (звукоподражательное междометие); очевидно, связано со звуком, получающимся при раздавливании шишкоягоды можжевельника.

(9) мокш. *офта*||*марькс*

Букв. 'медвежья ягода'.

(10) мокш. *офтонь покарькс*

Букв. 'медвежий гребень'.

Номинация лесных растений, связанная с образом медведя, широко распространена в мордовских языках.

(11) мокш. *пукистор*

Этимология не вполне ясна; возможно, название заимствовано из марийского языка: мар. *пўкиш* 'орех' + *тор* 'заросли', ср., например, *энгыж тор* 'земляничник, заросли земляники' [СМЯ, 10, 97].

Марийское название можжевельника

(12) мар. *лўме*||*гож*

Изначально сложное слово с детерминантом *кож* 'ель', по-видимому, *лўмō*||*кож* 'клей (смола ??)||ель'.

Пермские названия можжевельника

(13) коми перм. *верōс* [КПОС 1992, 253].

Это название заимствовано из русских говоров: *верōс* < рус. *верес* 'можжевельник'.

(14) коми зыр. *кадж*||*помель, кати*||*помель, кати*||*помоль, кати*||*помōль*

Мы предполагаем изначально сложную структуру фитонима (< *кати(a)*||*пу*||*моль* = 'сорока||дерево||ягода'), что косвенно подтверждается наличием коми диал. *поноль* (< *пу*||*моль*) 'можжевельник'. По поводу номинации: сороки, как и другие лесные птицы (например, тетерева), охотно поедают плоды можжевельника.

(15) коми зыр. *поноль*, коми перм. *понуль* [КПОС 1992, 253]

См. выше (*поноль* < *пу*||*моль*).

(16) коми зыр., коми перм. *туся*||*пу* [КПОС 1992, 253]. удм. *сусы*||*пу*

Коми *туся*||*пу* 'зерновое дерево' (здесь присутствует номинация по признаку наличия плодов, используемых в народной медицине – «ягод»); в связи с удм. *тысь* 'зерно' [КЭСКЯ, 288] удмуртский фитоним выглядит вторично по отношению к коми слову.

В отношении ряда (1) В. И. Лыткин [КЭСКЯ 1970, 118] придерживался противоположного SKES взгляда, считая прибалтийско-финские фитонимы древними исконными, и приводил коми-зырянское соответствие /у нас (14)/ *кати* (*помель*). В отсутствие иных финно-угорских соответствий это мнение, однако, выглядит недостаточно обоснованным. Кроме того, коми *кати* 'сорока' выглядит естественной определяющей частью сложного финно-угорского фитонима; об остальной части слова см. выше.

Рассмотренные названия можжевельника образуют следующую картину: в прибалтийско-финских языках преобладает балтийское заимствование; в мордовских языках имеются только автохтонные названия, и в эрзянском языке – русские заимствования; марийский фитоним автохтононен; в пермских языках преобладают автохтонные названия можжевельника, а в коми-пермяцком языке имеется предположительно русское заимствование.

ОРЕШНИК, ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО, ЛЕЩИНА

Corylus avellana L.

Corylus – единственное ореховое дерево в районах проживания финно-пермских народов. При этом оно практически отсутствует в Республике Карелия и у коми, а у вепсов встречается редко (северная граница распространения проходит по южной Финляндии, Ленинградской, Вологодской, Костромской, Кировской областям, Пермскому краю).

Применение орешника исключительно пищевое.

Прибалтийско-финские и саамские названия орешника

(17) фин. *pähkinä*||*puu*, ижор. *päähkänä*||*pu*, *pähkä*||*pehko*, эст. *pehkla*||*puu*, *pähkel*||*puu*, *pähke*||*puu*, *pähke*||*põesas*, *pähkle*||*puu*, *pähkle*||*marjad*, *pähkli*||*puu*, *pähelme*||*puu*, *pähkme*||*puu*, *pähkmä*||*puu*, *pähkne(p)*||*puu*, *pähknä*||*puu*, *pähnä*||*puu*, вод. *pähtšenä*, *pähtšen*, лив. *pēgõt*||*pū*, *pēgõt*||*tarāb* [SSAP, vol. 2, 455]

Сложное название орешника в прибалтийско-финских языках этимологически прозрачно ('орех||дереву'). Многие названия орешника в других родственные языках производны от древней основы со значением 'орех' – реконструкция прибалт.-фин. **päšk3* 'орешник /лещина/' [UEW 1986, 726].

(18) фин. *sara*||*puu*, эст. *sara*||*puu*, *sara*||*buu*, *sarap*(||*pu*), *sarapas*, *sara*||*buu*, *sarakas*, *sarep*||*puu*, лив. *tarāb*, *tārāb*, *tārāb?* [SSAP, vol. 3, 158]

Фин. *sara*||*puu* относится также к ясеню.

SKES предлагает в качестве возможного соответствия мар. *шаранге* 'ива серебристая'; известны и поиски других соответствий в родственных языках – см. также [SSAP 1992, III, 158]. Ливское соответствие дается в этимологических лексикографических источниках под вопросом из-за необычности предполагаемого перехода $s > t$ в начале слова. Возможно, фитоним возник в результате контаминации; другие этимологии не выдвигались. В SSAP предполагается, что фин. *sara*||*puu*, встречающееся по большей части в юго-западных говорах, может иметь эстонское происхождение. Номинация по признаку ('развилистое дерево'; прибалт.-фин. *sara* 'развила') представляется маловероятной из-за странной неспецифичности признака: орешник не является выраженно развилым по сравнению со многими растущими в том же ареале деревьями и кустарниками.

(19) кар. собств. (тверские говоры) *or'jeha*||*puw*, *or'jeha*||*tuhjo*
or'jeha||- < рус.

Орешник должен был быть известен также тихвинским и валдайским карелам (лексические материалы, к сожалению, отсутствуют). На карельском перешейке, отправном районе миграции тверских карел на юг, лещина – нечасто встречающееся растение. Вероятно, поэтому тверские карелы на новых местах расселения заимствовали русское название ореха.

Мордовские названия орешника

(17) эрз. *пеште*, *пешкс*, мокш. *пяштя*, *пяштерькс*

Эти названия, как и марийские, пермские, родственны прибалтийско-финским (см. выше).

Марийские названия орешника

(17) мар. *пүкиш*||*вондо*, *пүкишерме*, также в составе мар. диал. *тум*||*пүгыш* 'желудь' *пүгыш* 'орех'

От *пүкиш* 'орех'; в этом слове произошла метатеза $-šk- > -kš-$.

Пүкишерме имеет в своем составе суффиксы $-ер-$ и $-ме-$.

Пермские названия орешника

(17) удм. *паш*||*пу*, *пуш*||*мульы*||*пу*

В это же этимологическое гнездо в КЭСЯ 1970 [КЭСЯ 1970, 217] включается коми зыр. *пашкан* 'ягода шиповника'; на этом основании реконструируется общепермское **pašk-* 'орех; ягода'. Если принять коми соответствие, то слово со значением 'орех' имеет финно-пермское или даже финно-угорское происхождение – если мы отнесем к гнезду (17) обско-угорские слова: манс. *pākwсам*, а также хант. *pāsī*.

В удмуртском языке этимологическое соответствие названиям ореха в других финно-пермских языках имеет различную огласовку: *паш-* либо *пуш-*. Несмотря на то, что слова *паш*, *пуш* не сохранились отдельно, в составе сложных слов их значение сохраняется:

паш||*ну* = орех||дерево 'орешник'
пуш||*мульы* = орех||плод 'орех'
пуш||*мульы*||*ну* = орех||плод||дерево 'орешник'
 (19) коми *өрешки*||*ну*, удм. *ореки*||*ну*

Определительная часть коми фитонима < рус. *орешки*, удмуртского < рус. *орехи*.

Названия орешника (лещины) обычно образуются от основ со значением 'орех'; стандартная семантическая модель сложных фитонимов – «орех-дерево», в других случаях названия орешника являются суффиксальными производными от слов со значением 'орех'.

В связи с особенностью географического распространения орешника, в ряде языков фитонимов для обозначения орехового дерева не имеется (коми, вепсский, карельский). Если в этих языках и существуют названия лещины, то они имеют поздний заимствованный характер или же образованы в младописьменных языках, то есть являются неологизмами. В ряде прибалтийско-финских языков распространен фитоним (гнездо 18), происхождение которого затемнено.

ЧЕРЕМУХА (*Prunus padus*)

Черемуха распространена во всех районах проживания финно-пермских народов, в т. ч. в тундровых. Основное ее значение для человека – пищевое; ягоды и сегодня широко используются в кухне финно-угорских народов. Кроме того, многообразно и лекарственное применение черемухи, в т. ч. официальное – назначаемое как средство в самых различных случаях (см., например, [Муравьева 1981, 625], [Kumarasamy, Cox, Jaspars, Nahar, Sarker 2004]).

Прибалтийско-финские и саамские названия черемухи

(20) фин. *tuomi*, кар. собств. *tuomi*, кар. ливв. *tuomi*, кар. люд. *tuom*, *tuom*||*pū*, ижор. *tōmi*(||*pū*), *tond(a)*, вепс. *tom* 'черемуха', эст. *toome*, *tooming*, *toomingas*, вод. *tōmi*, *tōmi*||*puu*, лив. *tūoimki*, саам. *duobmâ*, *duopma*, *fuome*, *fuōma*, саам. (Кильдинское наречие) *tuomt* (< фин. или кар.) [SSAP, III, 329 – 330]

(21) кар. собств. (тверские говоры) *čer'ohm*, саам. (Кильдинское наречие) *čer'eŋk* < рус. *черёмуха*

(22) саам. *ávža*, *háwča* [Hasselbrink 1981, vol. 1, 221]

Предположительно, фитоним имеет германское происхождение, ср. ст.-норв. *heggr*, норв. *hegg*, шв. *häg* 'черемуха'.

(23) саам. *hibmie*||*tuore* [Hasselbrink 1981, vol. 1, 727]

Букв. 'смоляное дерево'.

(24) саам. *tšappes*||*tuorra* [KKLS 1958, I, 646]

Букв. 'черное дерево'.

Мордовские названия черемухи

(20?) эрз. *лём*, *лёмина*; *лёмзёркс*, *лёмзёрина* (представляют собой производные от *лёмзёр* 'ягода черемухи'), мокш. *лай*||*марь*, *лай*||*марькс*, *лайме*

Марийское название черемухи

(20?) мар. *ломбо*

Возможно, первоначально – сложное слово с детерминантом *пи* 'дерево' (*lom*||*pi*). *Пи* в марийском языке сохранилось в значении 'древесина; дерево как материал'. Его наличие предполагается, в частности, в составе мар. *пушенге* 'дерево'.

Пермские названия черемухи

(20?) коми зыр., удм. *льём*(||*ну*), коми перм. *лем*(||*ну*), *льём*(||*ну*) [Материалы 2021, 27–28]

За пределами финно-пермской ветви к гнезду (20) относят также манс. *l'aam, l'äm* и др., хант. *jom, jut* || сельк. *ĉet*, камас. *lem* 'ягода черемухи', уральск. **δ'eme* – см., например, [КЭСЯ 1970, 164–165], [SKES 1955, V, 1408]. В начале этого названия черемухи реконструируют прафинно-угорский звук *δ* в начале слов. Мы считаем эту реконструкцию весьма сомнительной из-за малочисленности ее примеров в финно-угорских языках.

Авторы МКНЭС 1981, рассматривая эрз. *ламарь* и мокш. *лаймарь* (< *laj||mar*?) 'ягода черемухи', предполагают, что все соответствия в родственных языках изначально являются сложными словами, в состав которых входит определяющий компонент со значением 'пойма, луг' (эрз. *лём*, мокш. *лайме*) [МКНЭС 1981, 40]. С нашей точки зрения, этимологически это в указанных языках не подтверждается. Более вероятно, что, учитывая доказанную древность фитонима (ср., напр., камас. *lem* 'ягода черемухи'), следует предположить, что его внутренняя форма в таком позднем ответвлении генеалогического древа, как мордовские языки, сохраниться не могла. В связи с этим при рассмотрении образования мордовских названий черемухи нельзя отбрасывать народно-этимологический фактор.

Осторожно относясь к восстановлению общего исторического инициального *δ* в указанной выше реконструкции, мы полагаем, что прибалтийско-финское название черемухи (фин. *tuomi* и др.), по-видимому, следует отделить от прочих в этимологическом плане. Впрочем, к настоящему времени какая-либо альтернативная этимология этого фитонима отсутствует. Показательно, что в его первом слого наблюдается общеприбалтийско-финский долгий гласный: во многих случаях это означает бывшее наличие согласного между двумя гласными, образовавшими впоследствии один звук и далее – дифтонг.

Финно-пермские названия черемухи образуют следующую картину: древнее уральское название этого дерева доминирует от основания генеалогического древа вплоть до мордовских языков включительно. Фитоним, бытующий в прибалтийско-финских языках, давно пытались объяснить исключительно родством с древним названием при сомнительности анлаутного звукового перехода.

В отличие от названий деревьев, названия кустарников в финно-пермских языках образованы, в основном, на почве отдельных языков, то есть являются поздними – они многочисленны; встречаются и поздние заимствования. Такая картина, по-видимому, обусловлена тем, что кустарники не были самыми заметными, значимыми растениями для человека. Названия орешника, который, напротив, имеет большое пищевое значение, в рассматриваемых языках образуется от существительных со значением 'орех' с прибавлением детерминанта.

К словам древнего происхождения относят финно-угорское название черемухи, но древность его достаточно сомнительна. К старым балтийским заимствованиям относится общеприбалтийско-финское название можжевельника.

Общая картина происхождения и распространения названий кустарников в финно-пермских языках, по нашему мнению, указывают на обстоятельства переселения предков этих народов на ныне занимаемые ими территории. Переселенцы, скорее всего, не знали многих из рассматриваемых кустарников, и их наименования появились только в процессе окончательного расселения, а не «принесены с собой». Среди названий деревьев древние названия, напротив, весьма многочисленны (например, фин. *koivu* 'береза', *kuusi* 'сосна', *paju* 'ива', *petäjä* 'сосна', *pihlaja* 'рябина', *salava* 'различные виды ивы' и т. д.).

СОКРАЩЕНИЯ

Языков и диалектов: балт. – балтийские языки, вепс. – вепсский, вод. – водский, ижор. – ижорский, камас. – камасинский, кар. – карельские наречия (ливв. – ливвиковское, люд. – людиковское, собств. – собственно-карельское), коми зыр. – коми-зырянский, коми перм. – коми-пермяцкий, латышск. – латышский, лив. – ливский, лит. – литовский, манс. – мансийский, мар. – марийский, мокш. – мокшанский, морд. – мордовские языки, н.-нем. –

нижненемецкий, норв. – норвежский; приоб.-фин. – прибалтийско-финские, прус. – прусский, рус. – русский, саам. – саамский (Кильд. – кильдинское наречие, Норв. – норвежско-саамский, Фин. – финско-саамский), сельк. – селькупский, ст.-норв. – старонорвежский, удм. – удмуртский, уральск. – уральские, фин. – финский, хант. – хантыйский, шв. – шведский, эрз. – эрзянский, эст. – эстонский.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Тип. Имп. АН, 1878. XXI + 645 с.
- Винокурова И. Ю. Мифология вепсов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
- КПОС – Коми-пермяцкой орфографической словарь. Мододз изданнэ, исправитом да содтом / составитсо: Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. Кудымкар, 1992. 279 с.
- КЭСЯ 1970 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Материалы 2021 – Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovaryakomi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf> (дата обращения: 25 января 2021 г.).
- МКНЭС 1981 – Келин М. А., Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Мокшень кялень нюрхкяня этимологический словарь. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1981. 92 с.
- Муравьева Д. А. Фармакогнозия. М.: «Медицина», 1981. 656 с.
- Ракин А. Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. 88 с.
- СМЯ – Словарь марийского языка = Марий мутер. Т. 1–10. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2003.
- ЭРМЭ – Энциклопедия Республики Марий Эл // Отв. ред. Н. И. Сараева. Йошкар-Ола, 2009. 872 с.
- EES 2012 – Eesti etimoloogiasõnaraamat. Tallinn: Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 p.
- Hasselbrink 1981 – Hasselbrink G. Südlappisches Wörterbuch. Vol. I–III. Uppsala, 1981–1983. 1488 p.
- Herba.ee – Herba. Historistlik eesti rahvameditsiini botaaniline andmebaas. Режим доступа: <http://herba.folklore.ee> (дата обращения: 25 января 2021 г.).
- KKLS 1958 – Itkonen T. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. / Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV. I–II. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1958.
- Kumarasamy Y., Cox P., Jaspars M., Nahar L., Sarker S. Comparative studies on biological activities of *Prunus padus* and *P. spinosa*. *Phytoterapia* 75 (1), 2004, p. 77–80.
- MW 1990 – H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. I–VI. / LSFU XXIII. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1990. 2703 p.
- Sammallahti P. Sámi-suoma sátnegirji. Saamelais-suomalainen sanakirja. Ohcejohka: Jorgaleaddji OY, 1989. 527 p.
- SKES 1955 – Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1955–1981.
- SSAP 1992 – Suomen sanojen alkuperä. I–III. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1992–2000.
- Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet. VKJ 7. № 1. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon OY, 1936. 465 p.
- UEW 1986 – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.
- Vilbaste G. Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised 20 (67). Tallinn, 1993. 708 p.

Поступила в редакцию 12.10.2021

Бродский Игорь Вадимович,
кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48,
e-mail: kodima@mail.ru

I. V. Brodsky

NAMES OF SOME WIDESPREAD SHRUBS IN THE FINNO-UGRIC LANGUAGES (JUNIPER, HAZEL, BIRD CHERRY)²

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-6-15

In this paper, the author examines the names of widespread shrubs in the Finno-Ugric languages. Since natural and climatic conditions including flora in the places of residence of the Ugric peoples (Khanty, Mansi, Hungarians) are significantly different from those of the peoples who speak languages of the Finno-Permic branch, this article mainly discusses the plant names of Finno-Permic languages (Baltic-Finnic, Mordvin, Mari and Permic). The plants included in this study are juniper, hazel and bird cherry. The aim of this paper is to examine all folk names of these shrubs as a group of nominal vocabulary, to study the origin and territorial distribution of phytonyms, as well as the nomination of shrubs in the Finno-Permic languages. The Finno-Ugric folk names of shrubs are numerous and in most cases have been formed separately in every language. This trend is more typical for the names of herbaceous plants, while the names of trees are usually older and fewer in number. Zoosemisms (animals' names) are found in the complex names of shrubs; most often they are the names of dogs and goats, but in the names of the shrubs considered in this article we could only find zoosemisms with the meanings 'bear' and 'magpie'. For this article, the material was collected by the method of controlled selection of vocabulary in printed publications (lexicographic and other works). The study of lexis is carried out by descriptive and comparative-historical methods. When studying the nomination of plants, the method of component analysis and the method of semantic analysis are used. In total, the study includes more than one hundred and fifty different folk phytonyms (including phonetic variations), most of which are complex nouns, usually consisting of two components. The origin of these names is determined fairly accurately in almost all cases, including the cases of borrowing. For the convenience of semantic analysis, all the phytonyms examined are combined into lexical-semantic nests corresponding to nomination models. A total of 24 such nests have been allocated.

Keywords: Finno-Ugric languages, Finno-Permic languages, Baltic-Finnic languages, Mordvinic languages, Mari language, Permic languages, Sámi language, lexis, phytonymy, plant names, lexical nomination, nomination model, juniper, hazel, bird cherry, borrowing, etymology.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 1. P. 6–15. In Russian.

REFERENCES

- Annenkov N. I.** *Botanicheskii slovar'*. [Botanical dictionary]. St. Petersburg, 1878. 647 p. In Russian.
- Vinokurova I. Yu.** *Mifologiya vepsov* [The Mythology of Veps]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2015. 524 p. In Russian.
- Lytkin V. I., Gulyaev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Short etymological dictionary of Komi language]. Moscow, 1970. 386 p. In Russian.
- Materialy dlya slovarya komi-permyackikh nazvanii rastenii* [Materials for the dictionary of Komi-Permyak plant names] authors-compilers: E. L. Fedoseyeva, I. I. Rusinova, A. S. Lobanova, Y. A. Shkuratok, A. V. Krotova-Garina. Access mode: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovyakomi-permyackikh-nazvanij-rastenij.pdf> (Access date: January, 25, 2021). In Komi-Permyak and Russian.
- Kelin M. A., Cygankin D. V., Mosin M. V.** *Mokshen' kyalen' nyur'khkyanya etimologicheskyy slovar'* [Concise Etymological Dictionary of Moksha Language]. Saransk, Mordovia publishing house, 1981. 92 p. In Moksha.
- Komi-permjackoi orfograficheskoi slovar'*. Mododiz izdannio, ispravitom da sodtom. [Komi-Permyak Spelling Dictionary. Second edition, revised and enlarged]. / Compilers: R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. Kudymkar, 1992. 279 c. In Komi-Permyak and Russian.

² Acknowledgments: This research was supported by the Ministry of Education of the Russian Federation as part of a state task (project «Ideographic Representation of Vocabulary in the Languages of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia: Concept, Methodology, and Lexicographical Practice»), as well as the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen in the framework of the project «Finno-Ugric phytonymy. Comparative Study», which received support following the results of the Competition for the Implementation of Promising Fundamental Research Works by Young Scientists of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen, 2021.

- Murav'eva D. A.** *Farmakognoziya* [Pharmacognosy]. Moscow, Meditsina, 1981. 656 p. In Russian.
- Rakin A. N.** *Kratkii komi-russkii, russko-komi botanicheskii slovar'* [Concise Komi-Russian, Russian-Komi Botanical Dictionary]. Syktyvkar: Komi Book Publishers, 1989. 88 p. In Russian.
- Entsiklopediya Respubliki... – Entsiklopediya Respubliki Marii El* [Encyclopedia of the Republic of Mari El]. / Ch. ed. N. I. Saraeva. Ioshkar-Ola, 2009. 872 p. In Russian.
- Fasmer M.** *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Vol. I–IV. / Trubachev O. N. (transl. and additions). Moscow, OOO “Izdatel'stvo Astrel”, “Izdatel'stvo AST”, 2003. In Russian.
- Pohlakas P., Sedrik M., Soosar S.-E.** *Eesti etimoloogiasõnaraamat* [Etymological Dictionary of Estonian Language]. Tallinn, Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 p. In Estonian.
- Hasselbrink G.** *Südlappisches Wörterbuch* [Dictionary of Southern Saami]. Vol. I–III. Uppsala, 1981–1983. 1488 p. In German.
- Herba.ee – Herba.* Historistlik eesti rahvameditsiini botaaniline andmebaas [Historical botanical database of Estonian folk medicine]. URL: <http://herba.folklore.ee> (accessed: January 25, 2020). In Estonian.
- Itkonen T.** Koltan- ja kuolanlapin sanakirya [Kolt and Kola Lapland Dictionary]. *Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV. I–II*. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. In Finnish.
- Kumarasamy Y., Cox P., Jaspars M., Nahar L., Sarker S.** *Comparative studies on biological activities of Prunus padus and P. spinosa*. Phytoterapia 75(1), 2004. P. 77–80. In English.
- Paasonens H.** *Mordwinisches Wörterbuch* [Mordvin Dictionary by H. Paasonen]. I–VI. LSFU XXIII. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1990. 2703 p. In German.
- Sammallahti P.** *Sámi-suoma sátnegirji. Saamelais-suomalainen sanakirja* [Sami-Finnish dictionary]. Ohcejohka, Jorgaleaddji OY., 1989. 527 p. In Finnish and Sámi.
- Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R.** *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [Etymological Dictionary of Finnish Language]. I–VII. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1955–1981. In Finnish.
- Aapala K., Grünthal R., Itkonen E. and others.** *Suomen sanojen alkuperä* [The Origin of Finnish Words]. I–III. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 1992–2000. In Finnish.
- Suhonen P.** *Suomalaiset kasvinnimet* [Finnish Plant Names]. VKJ 7. № 1. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon OY, 1936. 465 p. In Finnish.
- Rédei K.** *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [Uralic Etymological Dictionary]. I–III. Budapest, Akadémiai Kiadó., 1986–1991. In German.
- Vilbaste G.** Eesti taimenimetused [Estonian plant names]. *Emakeele Seltsi Toimetised* 20(67). Tallinn, 1993. 708 p. In Estonian.

Received 12.10.2021

Brodsky Igor Vadimovich,
 Candidate of Sciences (Philology), Assistant professor,
 The Herzen State Pedagogical University of Russia,
 48, Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation,
 e-mail: kodima@mail.ru